

Г.А. БОРЩЕВСКИЙ*

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В этой статье мы выявляем особенности реализации региональной политики в условиях существующей вертикали власти на примере Дальнего Востока, выделяя функционал ее федерального и регионального компонентов. Управленческая модель, примерно соответствующая теории полюсов роста Ф. Перру, предполагала создание преференциальных режимов ведения предпринимательской деятельности (территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, Арктическая зона РФ) для поддержки технологических инноваций, стимулирования занятости, наращивания экспортного потенциала в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На практике отмечено смещение вектора преференциальных территорий с инновационно-технологической к рено-ориентированной деятельности. Проекты в преференциальных режимах чаще соответствуют сложившейся специализации экономики регионов («эффект колеи»), чем формируют новые отрасли, хотя имеются и обратные примеры. Рассмотрено влияние федерального центра на достижение приоритетов развития дальневосточного макрорегиона через специальный институт – Корпорацию развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ). Инвестиционные проекты более успешно реализуются в регионах ДФО с более высоким уровнем развития и с более влиятельными губернаторами, что подтверждает участие региональных элит в формировании и проведении экстрактивной федеральной политики пространственного развития.

Ключевые слова: региональная политика; пространственное развитие; институт развития; Дальний Восток; преференциальный режим; рейтинг.

* **Борщевский Георгий Александрович**, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: borshchevskiy-ga@ganepa.ru

Для цитирования: Борщевский Г.А. Федеральные и региональные институты развития преференциальных режимов Дальнего Востока // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 127–154. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.05>

Введение

Политика пространственного развития релевантна для России ввиду присущих ей межрегиональных диспропорций и многоукладности [Зубаревич, 2022]. Несмотря на высокую фундированность теорий регионального роста (см., напр.: [Минакир, 2022; Суворова, 2019]), реализация политики происходит путем экспериментов. Федеральный центр проводит в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) политику, направленную на привлечение инвестиций и населения, что закреплено в ряде программных документов. Президентом поставлен стратегический приоритет обеспечить темпы развития ДФО выше средних по стране¹.

Указанные обстоятельства сделали дальневосточный макрорегион полигоном для апробации политико-административных инструментов, включая преференциальные режимы предпринимательской деятельности, такие как территории опережающего развития (ТОР)², свободный порт Владивосток (СПВ), Арктическая зона РФ (АЗРФ). Для их администрирования создан институт развития – АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» (КРДВ)³. Его единственным акционером от имени Российской Федерации выступает Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития).

¹ Указ Президента РФ от 26.06.2020 № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока».

² Целью создания ТОР является, в частности, обеспечение ускоренного социально-экономического развития. ТОР действуют не только на Дальнем Востоке, но также в моногородах и закрытых административно-территориальных образованиях. Однако именно ДФО является приоритетной территорией для создания ТОР. Это подтверждается их созданием в 10 из 11 субъектов РФ, входящих в состав ДФО.

³ На Дальнем Востоке существуют и иные преференциальные режимы: специальный административный район на о. Русский (Приморский край), преференциальный режим на Курильских островах, особая экономическая зона в Магаданской области. По различным причинам они не рассмотрены в данном исследовании.

Объемный массив исследований, посвященных дальневосточной политике, демонстрирует широкий спектр мнений от в целом комплементарных [Min, Kang, 2018; Hirofumi, 2019; Fortescue, 2022; Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020; Сида, Кан, 2021; Чичканов, Беляевская-Плотник, 2022] до предельно критических [Antonova, Lomakina, 2020; Савченко, 2022; Минакир, 2022; Гулидов, 2021]. Подобные разночтения в оценках указывают на отсутствие конвенциональной теории и методологического единства.

В этой статье мы выявляем особенности реализации региональной политики на примере Дальнего Востока в условиях существующей вертикали власти, стремясь выделить функционал звеньев ее федерального и регионального компонентов. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: 1) институционализация системы управления развитием Дальнего Востока; 2) оценка вклада преференциальных режимов как ключевого элемента федеральной политики развития регионов ДФО¹; 3) анализ связей регионального властного компонента с результатами политики развития ДФО. Статья призвана внести вклад в совершенствование инструментария для подобных оценок, обогатить литературу новыми эмпирическими данными и интегрировать их в научную дискуссию.

Обзор исследований региональной политики, преференциальных режимов и инстинктов развития

Теоретические аспекты региональной политики описывают кластерная концепция (см., например, «Конкуренция» М. Портера (1998) или «Географический фактор как конкурентное преимущество» М. Энрайта (1993)), теории полюсов роста («Замечания о понятии полюса роста» Ф. Перру (1955)), центральных мест («Центральные места Юга Германии» В. Кристаллера (1933) или

¹ Данное утверждение обосновано тем, что расходы на префрежимы ТОР и СПВ достигают 70% всех бюджетных расходов на развитие ДФО (оценка автора по данным: госпрограмма РФ «Социально-экономическое развитие ДФО» (утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 в ред. от 10.12.2021 № 2256); [Гулидов, 2021]; Дальний Восток. Как пандемия повлияла на вложения в инфраструктуру ДФО? – М.: Infra-One, 2021. – 78 с.; Бюллетень Счетной палаты РФ. – 2022. – № 2).

«Пространственная организация экономики» А. Лёша (1940)), локальных благ («Чистая теория местных расходов» Ч. Тибу (1956)) и иные. Так, согласно теории полюсов роста, в отраслях со значительным ростом производства (пропульсивные отрасли) формируются центры, в которых накапливается инновационный и инвестиционный потенциал и которые способствуют росту прилегающей территории [Суворова, 2019].

Существующая в России вертикаль власти не способна купировать значительные межрегиональные диспропорции [Ross, Turovsky, Sukhova, 2022]. Федеральный центр использует макроэкономические индикаторы для оценки эффективности региональной власти. При этом в кризисные периоды при принятии политических решений повышается значимость показателя уровня бедности, а в периоды роста – инвестиционного климата и управленческой эффективности [Туровский, Луизидис, 2022].

Развитию Дальнего Востока как приоритетной территории посвящен большой массив исследований. В центре внимания традиционно находятся вопросы народонаселения через призму иммиграции из соседних стран [Бляхер, Леонтьева, 2023], а также внутренней миграции. Отмечается, что новые инструменты миграционной политики (государственная программа содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, программа «Дальневосточный гектар» и преференциальные режимы) положительно влияют на уменьшение миграционного оттока населения [Шмидт, Ивашина, 2021]. Также изучается влияние федеральных финансовых вливаний на экономические и социальные процессы. Федеральные трансферты положительно воздействуют на макроэкономические индикаторы (государственные расходы, налоги, занятость), но практически не влияют на благосостояние дальневосточных домохозяйств [Isaev, 2020].

В целом изменения последних десяти лет получили в экспертной среде название «новой» дальневосточной политики. Предпринимаются попытки соотнести ее с теоретическими моделями «развивающего государства» [Савченко, 2022], управления ростом [Минакир, 2022], «точками ускоренного роста» [Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020]. Существуют исследования, посвященные деятельности федерального регулятора (Минвостокразвития) и института развития (КРДВ) [Савченко, 2022; Гулидов, 2021].

Большая группа работ связана с функционированием преференциальных режимов. Сущность последних близка к идее полюсов роста, так как они создаются вокруг «якорных» резидентов [Fortescue, 2022; Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020]. Создание префрежимов изначально предполагало «стимулирование трансформационного экономического развития» [Fortescue, 2022]. Группа исследователей из Владивостока предположила возникновение «территориальных промышленных комплексов новой производственной специализации, связанных с реализацией крупных инвестиционных проектов в границах территорий опережающего развития и на территориях, отнесенных к свободному порту Владивосток», которое «способствует созданию полицентрических агломерационных структур в зонах, прилегающих к транспортным коридорам» [Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020: 337]. Другими авторами предложена модель оценки ТОР через результаты хозяйственной деятельности их резидентов [Сида, Кан, 2022].

Позитивные оценки функционирования префрежимов акцентируют внимание на том, что в среднесрочной перспективе они способны создавать новые цепочки добавленной стоимости [Min, Kang, 2018, с. 51] и эффект, измеряемый сотнями предприятий и десятками тысяч рабочих мест [Чичканов, Беляевская-Плотник, 2022]. В частности, режим ТОР призван обеспечить до 67% экономического роста и 25% инвестиций в ДФО [Савченко, 2022, с. 54]. При этом отмечена неравномерность уровня эффективности и потенциала развития ТОР [Сида, Кан, 2021, с. 30], а согласно А. Хирофуми [Hirofumi, 2019], режим СПВ более популярен. Конкуренция между преференциальными режимами приводит к тому, что ужесточение условий в одном из них способствует росту показателей в другом [Hayakawa, 2023].

Концепт институтов развития в политических исследованиях раскрывается противоречиво: одни авторы относят институты, наряду с кадровым потенциалом и региональной идентичностью, к нематериальным ресурсам территории [Мирошниченко, Морозова, 2022]; другие включают в их число документы планирования, органы власти, международные мероприятия [Ведмецкая, 2019]. Отсутствие легитимного определения порождает неоднозначность экспертных трактовок и многообразие подходов, вариативность

которых объясняется, в частности, фрагментацией регулирования институтов развития в России¹.

Оценивая деятельность КРДВ как федерального института развития Дальнего Востока, эксперты указывают на «противоречие между целями, институциональными инструментами и первыми результатами реализации “новой модели” развития Дальнего Востока» [Antonova, Lomakina, 2020, с. 442], на неверный акцент на институциональное регулирование и провал институциональной парадигмы достижения программной цели [Минакир, 2022]. Существует опыт экспертной оценки КРДВ по количеству резидентов преференциальных режимов и числу заключенных с ними соглашений [Савченко, 2022]. При этом зарубежный опыт показывает, что политика региональной реструктуризации всегда предполагает «сложные сочетания политик, инициированные на разных уровнях управления» [Jakobsen, Uyarra, Njøs, 2022, с. 312], поэтому в развитие ДФО вовлечены множественные акторы.

Основная территория регионов ДФО относится к «периферии власти» [Бляхер, Леонтьева, 2023]. При этом Дальний Восток имеет ценность для федерального центра в геостратегическом смысле как форпост России в АТР и Арктике, а также благодаря богатой ресурсной базе [Зубаревич, 2022]. По этой причине важное направление представлено исследованиями связей российского Дальнего Востока со странами АТР. Предметом анализа в последние годы становились связи пограничных регионов России и Китая [Zhuozhi, 2023], заимствование экономических моделей [Ryzhova, Ivanov, 2022], китайские инвестиции в макрорегион [Киреев, 2022]. Отмечается, что Китай стал «посредником и незаменимым фактором» в торговле России с другими странами АТР [Izotov, Tochkov, 2020, с. 177]. Политолог Андрей Губин [Губин, 2020] исследует возможности дальневосточных регионов для интеграции в «Большое Евразийское пространство», которое Россия

¹ В качестве отраслевого института развития малого и среднего предпринимательства в РФ действует Корпорация МСП. Аналогичные задачи в сфере ЖКХ выполняет АО «ДОМ.РФ». Основным признаком института инновационного развития является распределение бюджетных средств на оказание поддержки лицам, осуществляющим инновационную деятельность. Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» осуществляет финансовую и гарантийную поддержку отдельных институтов развития и выступает агентом Правительства РФ по реализации мер их государственной поддержки.

продвигает в связи с китайской инициативой «Один пояс – один путь».

Наращивание экспортного потенциала было одной из целей создания преференциальных режимов, поэтому исследование результатов «новой» дальневосточной политики представляет особый интерес, учитывая происходящий в экономике и политике России «поворот на Восток».

Данные и методы

Для институционального анализа компонентов системы управления развитием Дальнего Востока мы изучаем нормативные основы деятельности ключевых акторов, отвечающих за развитие ДФО, на всех уровнях системы публичной власти с применением методов сравнительного правового анализа и анализа документов. Построение структурно-функциональной модели политики развития ДФО с применением преференциальных режимов позволяет выделить специфику деятельности института развития – КРДВ, который выступает агентом реализации федеральной политики. Особое внимание уделено взаимодействиям КРДВ и ее дочерних организаций с региональными властями на территориях присутствия.

В рамках оценки вклада преференциальных режимов в развитие ДФО мы определяем динамику развития регионов, ориентируясь на показатели, установленные для оценки эффективности органов власти субъектов РФ¹ в той части, в которой они обеспечены доступными статистическими данными. Хотя показатели не исчерпывают спектр задач регионального развития, их отличает универсальность, доступность данных и комплексный охват направлений социально-экономического развития.

После определения значений показателей в 2008–2021 гг. нормируем их через средние значения в анализируемом диапазоне лет по формуле (1):

¹ Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 (ред. от 09.09.2022).

$$I_t = \begin{cases} \frac{x_{ij}}{\bar{x}_{ij}} * 100, & \text{если рост значения показателя оценивается позитивно;} \\ \frac{\bar{x}_{ij}}{x_{ij}} * 100, & \text{в обратном случае,} \end{cases} \quad (1)$$

где: I_t – набор нормированных значений i -го показателя для за t лет; x_{ij} – значение i -го показателя для j -го региона; \bar{x}_{ij} – среднее значение i -го показателя для j -го региона за t лет.

Для оценки информативности каждого показателя в априорно заданном наборе показателей применен метод главных компонент. Расчеты выполнены в программном продукте Stata версии 12.0. Число переменных $var = 14$, количество наблюдений $n = 182$. Так как данные предварительно нормированы, отбор главных компонент для дальнейшего анализа осуществлен по правилу Кайзера, согласно которому наиболее информативны те компоненты, собственные числа которых больше единицы.

По наиболее информативным показателям строим индексы для каждого региона по формуле (2), считая все показатели равнозначными:

$$E_j = \sum_{t=1}^n \frac{I_t}{n}, \quad (2)$$

где: E_j – индекс развития для j -го региона; n – число информативных показателей; t – анализируемые годы.

Оценку динамики развития осуществляем методом «разность разностей» на двух периодах – без префрежимов (2008–2014) и после начала их применения (2015–2021). Метод представляет собой регрессионную модель, характеризующую связи между двумя группами наблюдений – контрольной (в нашем случае – это регионы ДФО) и экспериментальной, или тритмент-группой, которая отражает развитие остальных субъектов РФ по аналогичным показателям. Применению метода предшествует проверка коллинеарности претрендов тритмент-группы для контрольной группы. Модель всех возможных исходов описана формулой (3):

$$Y_j = \beta_0 + \beta_1 dB + \sigma_0 d_2 + \sigma_1 d_2 * dB + U, \quad (3)$$

где: j – индекс региона; β_0 – коэффициент для контрольной группы до введения префрежимов (первый период); β_1 – коэффициент для экспериментальной группы в первый период; dB – фиктивная переменная, которая улавливает возможные различия между экспериментальной и контрольной группами в первый период (1 для экспериментальной группы; 0 для контрольной); σ_0 – коэффициент для контрольной группы после введения префрежимов (второй период); d_2 – фиктивная переменная, которая улавливает факторы, которые бы вызвали изменения y даже при отсутствии воздействия префрежимов (1 для второго периода и 0 для первого периода); σ_1 – коэффициент для экспериментальной группы во второй период; U – ошибка регрессии.

В ходе оценки мы проверяем гипотезу о том, что преференциальные режимы оказывают статистически значимое влияние на социально-экономическое развитие регионов присутствия (тримент-группа) в отличие от остальных регионов (контрольная группа). Оценка σ_1 осуществляется методом наименьших квадратов для уравнения (3) на основе случайных выборок по обеим группам и двум периодам. Ее можно записать в виде (4):

$$\sigma_1 = (\bar{Y}^{B,2} - \bar{Y}^{B,1}) - (\bar{Y}^{A,2} - \bar{Y}^{A,1}), \quad (4)$$

где A означает контрольную группу, B – экспериментальную группу, 1, 2 – первый и второй периоды соответственно.

Эффект от преференциальных режимов для регионов, в которых выявлено статистически значимое влияние, оцениваем по ключевым показателям эффективности режимов¹: объем привле-

¹ В методике оценки TOP (постановление Правительства РФ от 23.09.2019 № 1240) заложены следующие исходные параметры: 1) объем частных инвестиций; 2) размер бюджетных средств на создание инфраструктуры TOP; 3) количество рабочих мест; 4) объем добавленной стоимости, созданной резидентами TOP; 5) объем налоговых и таможенных льгот и платежей (кроме страховых взносов). По показателям 2 и 4 открытые данные отсутствуют. Восемь показателей, характеризующих функционирование TOP, заложены в госпрограмму «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа». В госпрограмме «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ»

ченных частных инвестиций; количество созданных рабочих мест; средняя заработная плата работников организаций, реализующих инвестиционные проекты на территориях с префрежимами, и доля малых предприятий, реализующих указанные инвестпроекты. В ходе оценки значения показателей, содержащиеся в опубликованных отчетах КРДВ, сравниваем с данными статистического наблюдения в целом по региону.

Кроме того, мы сопоставляем отраслевую структуру инвестиционных проектов в рамках преференциальных режимов (по материалам КРДВ) с отраслевой структурой валовой добавленной стоимости анализируемых субъектов РФ (по данным Росстата). Так мы оцениваем вклад проектов, простимулированных префрежимами, в динамику регионального развития.

Для оценки уровня выполнения планов реализации инвестиционных проектов в префрежимах плановые значения перечисленных показателей мы сравниваем с фактически достигнутыми значениями.

Географическая удаленность ДФО от центра и организационная сложность реализации инвестиционных проектов на относительно слабо развитых территориях ставит вопрос о характере распределения влияния различных акторов на достижение приоритетов регионального развития и функционирование преференциальных режимов. Это делает актуальным анализ связи регионального властного компонента с результатами федеральной политики развития ДФО. Для этого нами изучен ряд рейтингов глав субъектов РФ, составленных различными политологическими центрами.

– Национальный рейтинг губернаторов¹. Отсылка к данному рейтингу мотивирована тем, что привлечение инвестиций и создание рабочих мест являются значимыми факторами оценки властей жителями и экспертами.

отражены два показателя: накопленный объем инвестиций резидентов в ТОР и АЗРФ; количество созданных рабочих мест.

¹ Формируется Центром информационных коммуникаций «Рейтинг» раз в несколько месяцев и по итогам года; охватывает все регионы; публикуется с 2014 г.; основан на методах заочного анкетирования, заочных и очных опросов экспертов. – Режим доступа: <https://russia-rating.ru/info/category/gubernators> (дата посещения: 11.12.2023).

– Медиарейтинг глав регионов¹. Использование обусловлено медийным эффектом от запуска инвестпроектов для репутации глав.

– Рейтинг влияния глав субъектов РФ². Данный рейтинг рассматривается нами потому, что влияние глав регионов оказывает положительный эффект на приток инвестиций и, как следствие, на успешность функционирования преференциальных режимов.

Изучены позиции глав регионов ДФО в указанных рейтингах и сопоставлены с динамикой рассмотренных ранее показателей развития регионов и преференциальных режимов, что позволяет оценить характер связей регионального властного компонента с результатами федеральной политики развития ДФО.

Институционализация системы управления развитием Дальнего Востока

Федеральный уровень управления макрорегионом ДФО представлен следующими акторами: Правительство РФ, Минвостокразвития и КРДВ.

Правительство действует через Комиссию по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока (Правкомиссия), созданную в 2013 г. для оценки проектов документов развития ДФО и формирования перечня приоритетных инвестпроектов. Возглавляет Правкомиссию вице-премьер Юрий Трутнев, курирующий Минвостокразвития. Данное министерство создано в 2012 г. для реализации дальневосточной политики посредством исполнения стратегических документов: Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнево-

¹ Формируется компанией «Медиалогия» ежемесячно и по итогам года; охватывает все регионы; публикуется с 2019 г.; основан на контент-анализе публикаций и расчете индекса присутствия глав регионов в СМИ и соцсетях. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/> (дата посещения: 11.12.2023).

² Формируется Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК); охватывает все регионы; формируется ежемесячно и по итогам года; публикуется с 2012 г.; основан на экспертном опросе методом закрытого анкетирования. – Режим доступа: http://www.apecom.ru/projects/list.php?SECTION_ID=101 (дата посещения: 11.12.2023).

сточного федерального округа» и национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока¹.

КРДВ организована в 2015 г. для управления преференциальными режимами в ДФО и Арктической зоне². КРДВ осуществляет функции института развития путем направления средств, полученных из федерального бюджета в форме инвестиций, субсидий, взносов в уставный капитал, на проектирование, строительство, реконструкцию, приобретение объектов инфраструктуры для резидентов префрежимов³. КРДВ объединила функции ранее существовавшего Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (в части привлечения инвесторов в ТОР и СПВ и продвижения экспорта на рынки АТР) и Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке (в части обеспечения ТОР и СПВ трудовыми ресурсами). КРДВ имеет дочерние организации в каждом субъекте ДФО, являющиеся управляющими компаниями преференциальных режимов на данных территориях (рис. 1).

Развитие инфраструктуры в рамках соглашений с инвесторами осуществляет КРДВ за счет федеральных средств. Земельные отношения предполагают предоставление земельных участков резидентам и аренду по льготной ставке, что также входит в функционал управляющей компании. Контрольно-надзорную деятельность в отношении инвестиционных проектов в префрежимах осуществляют в основном федеральные структуры с учетом ограничений, предусмотренных мораторием на проверки бизнеса.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р (ред. от 10.06.2023 № 1521-р) «О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.»; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 (ред. от 10.12.2021 № 2256) «Об утверждении государственной программы РФ “Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа”»; распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р (ред. от 23.01.2023 № 99-р) «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2026 г. и на перспективу до 2035 г.».

² Постановление Правительства РФ от 30.04.2015 № 432 (ред. от 25.04.2021 № 640).

³ Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1835 (ред. от 05.12.2022).

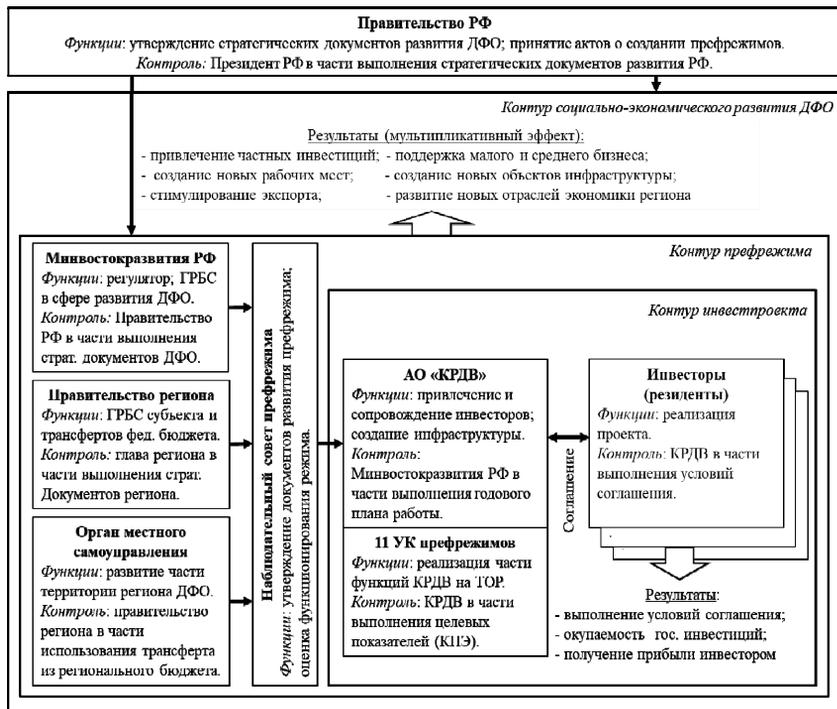

Рис. 1

Структурно-функциональная модель политики развития ДФО с применением преференциальных режимов¹

Региональный контур дальневосточной политики представлен главами субъектов, оценка деятельности которых осуществляется по единым критериям, установленным Президентом, включая темп роста среднемесячной заработной платы и индекс роста инвестиций в основной капитал региона. Очевидно, что функционирование преференциальных режимов воздействует на достижение целевых значений этих показателей. Глава возглавляет правительство региона, которому подведомственны органы исполнительной власти, а им – бюджетные организации и акционерные общества.

¹ Источник: здесь и далее – составлено автором.

К числу последних относятся, в частности, региональные институты развития.

В региональные бюджеты поступает часть доходов от уплаты резидентами налога на прибыль и на имущество организаций, а от земельного налога – в бюджеты муниципалитетов.

Как видно на рис. 1, политические коммуникации между уровнями публичной власти при управлении преференциальными режимами концентрируются в их наблюдательных советах. Региональные власти могут выступить с инициативой о создании преференциального режима на своей территории и о расширении его границ. Наиболее существенным моментом, на который способны повлиять региональные власти в рассматриваемом вопросе, является привлечение резидентов, которые определяют как отраслевую принадлежность проектов, так и их масштаб и, следовательно, количество созданных рабочих мест, объем инвестиций, прибыль и сумму налогов. На уровне региона видятся три канала привлечения инвесторов:

1) региональные институты развития (данный канал релевантен для местного несырьевого бизнеса без политической поддержки; компании обращаются за получением мер поддержки на общих основаниях);

2) региональные чиновники (региональный бизнес, аффилированный с местными властями, официально может войти в преференциальный режим через институт развития, использует политическую поддержку для получения преференций);

3) глава региона (являясь членом Правкомиссии, губернатор может заручиться поддержкой федеральных акторов для привлечения в регион крупнейших инвесторов, используя весь арсенал политического маркетинга).

Оценка вклада преференциальных режимов как ключевого элемента федеральной политики развития регионов ДФО

Оценка влияния показателей развития регионов ДФО методом главных компонент выявила, что из 14 индикаторов, используемых федеральным центром для оценки глав регионов, наиболее

информативны четыре¹. В совокупности они объясняют более 77% всех вариаций набора данных. По указанным показателям построены нормированные индексы (формула 1) для каждого региона, кроме Магаданской области, где нет анализируемых префрежимов, и оценена параллельность претрендов в двух группах (рис. 2).

Принцип параллельности претрендов не выполняется для Чукотского автономного округа. Для остальных регионов коэффициенты корреляции индексов выше 0,75 при $p \leq 0,05$, что свидетельствует о коллинеарности.

Далее методом «разность разностей» (формулы 3 и 4) оценено влияние префрежимов на динамику развития регионов. Для трех из них (Камчатский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область) влияние находится на статистически незначимом уровне, что можно интерпретировать как недостаточность срока действия префрежимов для обоснованной оценки, а также влияние неучтенных факторов или погрешности данных. Для Бурятии выявлено значимое ($p < 0,02$) отрицательное влияние (-6,48) политики на развитие. Положительное влияние префрежимов наблюдается в пяти регионах: Сахалинская область (влияние 23,89 при $p = 0,09$), Республика Саха (16,71 и 0,005, соответственно), Забайкальский край (8,85 и 0,1), Приморский край (4,69 и 0,007), Амурская область (3,19 и 0,04).

Доля инвестиций, привлеченных в рамках префрежимов, от общего объема частных инвестиций в основной капитал варьирует от 80–90% в Амурской области и Приморском крае до 4–5% в Якутии и на Сахалине. По доле рабочих мест в префрежимах от общей в регионе лидирует Приморский край (5,3%), а в остальных регионах с позитивным влиянием префрежимов значения ниже 2%, что не позволяет сделать вывод о значимом влиянии префрежимов на занятость. Средняя заработная плата в префрежимах выше средней по региону в Приморском крае на 65%, в Забайкальском – на 63%, в Амурской области – на 42%, в Якутии – на 17%; а в Сахалинской области зарплата там ниже средней региону. Малые предприятия реализуют более половины инвестиционных

¹ Ввод в действие жилых домов, построенных населением за счет собственных и привлеченных средств; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; охват детей дошкольным образованием; удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации.

проектов в префрежимах; больше всего их в Забайкальском крае (87%), Приморском крае (86%), Сахалинской области (81%) и Якутии (76%). Однако отсутствует статистическая связь между данным показателем и общей долей занятых в МСП на территории региона.

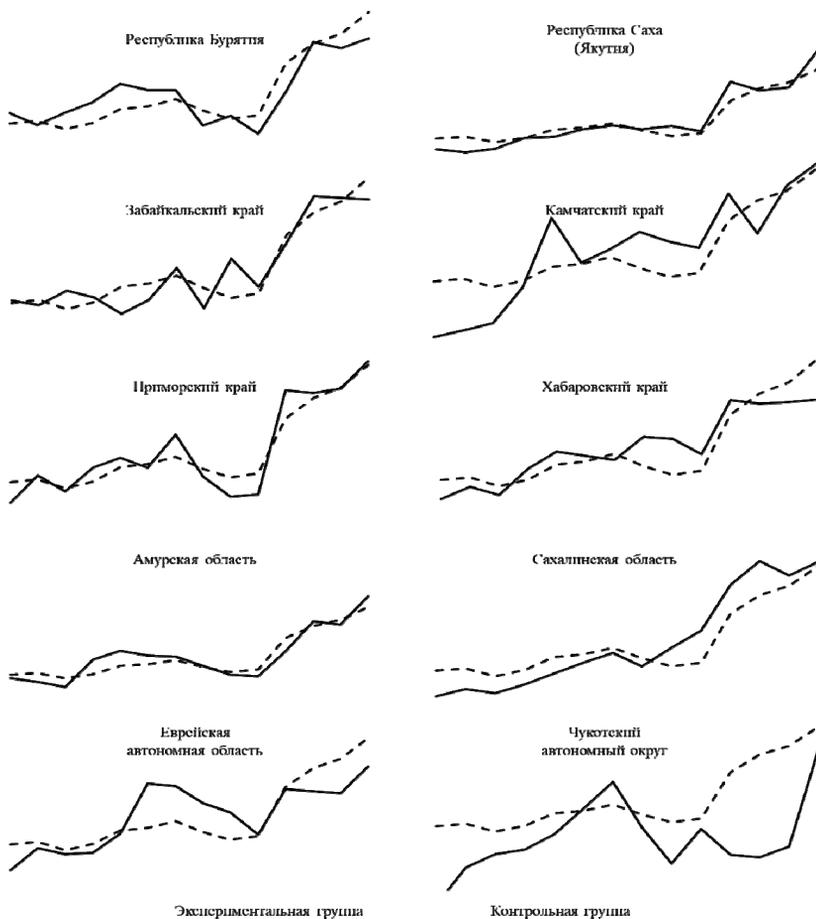

Рис. 2
Динамика индексов развития регионов ДФО

Результаты сопоставления отраслевой принадлежности инвестпроектов в префрежимах со структурой валовой добавленной стоимости субъектов РФ показывают довольно высокую степень соответствия (коэффициент корреляции для всех регионов ДФО равен 0,57 при $p < 0,05$). Это означает, что проекты в префрежимах охватывают более половины отраслевой структуры ВРП, хотя уровень соответствия ВРП отраслевой структуры этих инвестпроектов существенно варьирует. Хорошо это или плохо, зависит от параметров экономики региона (рис. 3).

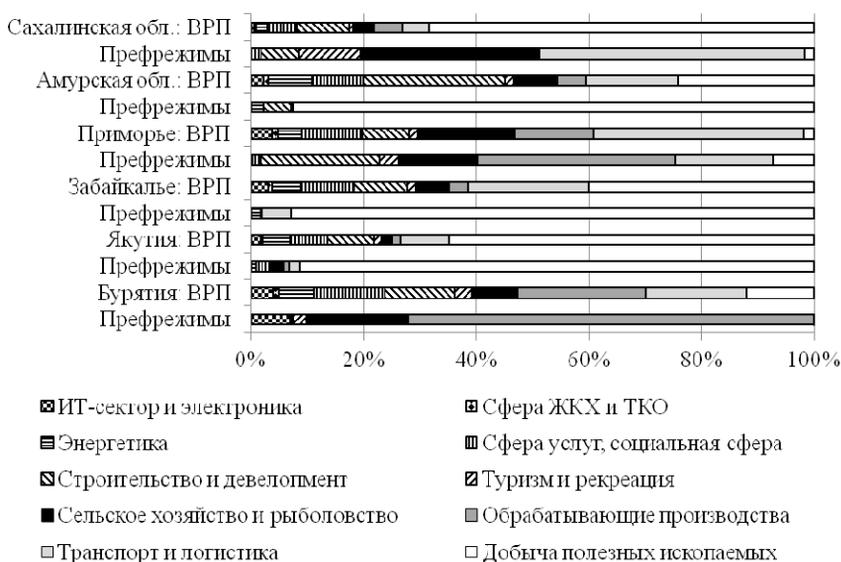

Рис. 3.
Отраслевая структура ВРП и проектов
в префрежимах (2021), %

Оценка уровня выполнения планов при реализации проектов на преференциальных территориях показывает более своевременное внесение инвестиций и запаздывание при создании рабочих мест.

Анализ связей регионального властного компонента с результатами политики развития ДФО

При сопоставлении места главы региона ДФО во всероссийских рейтингах с параметрами функционирования преференциальных режимов (табл. 1; приведены усредненные данные за все анализируемые годы) выявлены любопытные закономерности.

Таблица 1

Сопоставление мест глав регионов ДФО во всероссийских рейтингах с параметрами функционирования преференциальных режимов

Регионы	Место в рейтингах глав регионов			Вклад префрежимов в развитие регионов					
	Национальный	Влияния	Медиа	Индекс развития, %	Инвестиции, млрд руб.		Рабочие места, тыс.		Ср. зарплата, тыс. руб.
					План	Факт	План	Факт	
Республика Бурятия	67	74	51	103,7	0,9	0,9	0,1	0,03	10,2
Республика Саха (Якутия)	36	29	16	111,1	16,9	16,9	1,7	1,2	68,6
Забайкальский край	60	72	52	107,9	14,2	14,2	1,7	0,6	31,6
Камчатский край	24	46	49	113,5	5,5	5,5	1,9	0,9	78,6
Приморский край	38	28	25	108,0	37,4	37,4	17,2	6,3	70,4
Хабаровский край	41	55	25	108,9	7,2	7,2	2,1	1,1	63,7
Амурская область	57	68	40	107,7	115,5	115,5	0,9	0,7	63,6
Магаданская область	26	47	71	96,5	Нет префрежимов				
Сахалинская область	42	38	31	113,8	4,4	4,4	1,0	0,6	59,9
Еврейская АО	79	77	76	110,5	0,2	0,2	0,1	0,03	15,0
Чукотский АО	50	61	86	86,6	1,3	1,3	1,6	0,4	71,7

Место в национальном рейтинге губернаторов коррелирует со средней зарплатой в преференциальных режимах региона (коэффициент корреляции $k = 0,28$ при уровне значимости $p = 0,008$). Положение главы региона в медиарейтинге связано с динамикой индекса развития субъекта РФ ($k = 0,3$, $p = 0,002$), планом по созданию рабочих мест в префрежимах ($k = 0,25$, $p = 0,02$) и средней зарплатой в них ($k = 0,31$, $p = 0,003$). Позиция главы в рейтинге влияния коррелирует с индексом развития региона ($k = 0,28$, $p = 0,07$) и

созданием рабочих мест в преференциальных режимах ($k=0,42$, $p = 0,005$). Выявлено отсутствие значимых связей места в рейтинге с объемом привлеченных инвестиций в префрежимы региона.

Корреляции сами по себе не могут объяснить характера взаимовлияний глав регионов на функционирование преференциальных режимов. Они указывают лишь на масштаб подобных влияний (как показал анализ – не более 25–42%). При этом обращает внимание, что главы Республики Саха, Сахалинской области, Приморского, Камчатского и Хабаровского краев в среднем за весь анализируемый период занимали в рассмотренных рейтингах места выше средних по РФ. Одновременно в указанных регионах уровень развития и показатели функционирования префрежимов находились на более высоком уровне по отношению к остальным регионам ДФО. Напротив, в регионах с самыми низкими местами губернаторов в рейтингах (Республика Бурятия, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область) отмечены более низкие средние показатели развития префрежимов.

Обсуждение

Исследование показало, что КРДВ посредством администрируемых префрежимов оказывает положительное влияние на динамику развития лишь части регионов своего присутствия. Так, в Приморском крае и Амурской области 80% и более объема внебюджетных инвестиций привлечено через проекты в указанных режимах; в остальных регионах картина гораздо скромнее. Лишь в Приморском крае доля рабочих мест в префрежимах превышает 5% от рынка труда. Заработная плата в префрежимах Приморского края превосходит среднюю по региону на 65%, в Забайкальском крае – на 63, в Амурской области – на 42, в Якутии – на 16,7%, но на Сахалине работники в ТОР получают зарплаты ниже средней. Это вновь доказывает необходимость взвешенного подхода к использованию полюсов роста в качестве инструмента развития [Суворова, 2019].

Мы выяснили, что в каждом из регионов ДФО инвестиционные проекты в префрежимах охватывают более половины отраслевой структуры ВРП, но редко содействуют диверсификации экономики. Так, в префрежимах Приморского края преобладают

обрабатывающие отрасли и строительство, доля которых выше их доли в ВРП. В экономике Сахалинской области доминируют добывающие отрасли, но префрежимы стимулируют проекты в транспорте и сельском хозяйстве (рис. 3). Это примеры стимулирования развития отраслей с высокой добавленной стоимостью, что было ключевой идеей при создании преференциальных режимов. Однако в префрежимах Якутии, Забайкальского края и Амурской области преобладает добыча полезных ископаемых, доля которой даже превосходит соответствующую долю в структуре ВРП. Для регионов с сырьевой специализацией высокий уровень соответствия ей проектов в префрежимах означает, что последние не способствуют развитию пропульсивных отраслей (в терминологии теории полюсов роста), провоцируя «эффект колеи». Здесь уместно напомнить результаты предыдущих исследований, согласно которым «наиболее высокоприбыльные ТОП имеют узкоотраслевую специализацию, в основе которой находятся добыча и обработка природных ресурсов» [Сида, Кан, 2021, с. 35]; в процессе деятельности ТОП «трансформационные ожидания снизились», а «изменение концепции и реализации повлекло за собой сложный и противоречивый политический процесс» [Fortescue, 2022, p. 246]; в дальневосточной политике произошла «трансформация целей» и «рост имитационной составляющей» [Савченко, 2022, с. 54].

Создание и расширение преференциальных режимов происходит в «ручном режиме», без методики обоснования места, границ, типа, набора преференций и других параметров. Рассмотренные типы режимов не имеют отраслевой специализации, планы развития не увязаны с документами стратегического планирования; их произвольное создание порождает несоответствие отраслевой структуры проектов потребностям региона. Предоставление преференций в сырьевых отраслях противоречит теории полюсов роста. Отсутствие санкции для институтов развития и ведомств за оказание поддержки неэффективным проектам и для резидентов – за неисполнение условий соглашения порождает фиктивные проекты ради налоговых льгот. В целом не оценивается влияние префрежимов на развитие соответствующих регионов.

Начать решение данных проблем можно с введения в законодательство критериев отбора территорий для создания префрежимов. Это позволит синхронизировать подходы к установлению префрежимов. Получать преференции должны, по нашему мнению,

проекты в приоритетных (обрабатывающих, а не сырьевых) отраслях. Фиксация префрежимов целесообразна в документах территориального планирования. Эти обстоятельства ставят в повестку дня оценку эффективности расходов на поддержку префрежимов с точки зрения достижения национальных целей развития. Нужен информационный ресурс, содержащий данные обо всех проектах, реализуемых с господдержкой институтами развития. Критерием поддержки проектов должны быть не только объем инвестиций и число рабочих мест, но и объем инновационного производства. Соглашения с резидентами, нарушающими условия, должны расторгаться.

Об эффективности федерального института развития можно судить по ритмичности реализации проектов. Мы выяснили, что в целом в рамках префрежимов ДФО привлечено 2,3 трлн руб. частных инвестиций, что составляет 35,8% от запланированного объема. Тот факт, что в большинстве регионов ДФО реализация проектов в префрежимах идет с отставанием от графика, может объясняться, в частности, нарушением КРДВ сроков создания инфраструктуры для реализации проектов. Умеренное влияние преференциальных режимов на развитие территорий обусловлено неоднозначной эффективностью института развития.

В настоящее время противоречива сама природа институтов развития, которые создаются органами власти для решения государственных задач коммерческими методами. Неопределенный правовой статус приводит к дублированию функций органов власти, непрозрачности и убыточности. Недавняя реформа со слиянием институтов не гарантирует от создания новых неэффективных структур в будущем. Кроме того, институты сами устанавливают и корректируют свои целевые показатели¹. Отсутствие общей методики оценки не позволяет определить результаты деятельности институтов развития. Комплексно оценить вклад в развитие отрасли или территории нелегко по причине относительно слабых и точечных воздействий.

На наш взгляд, законодательное определение понятия и признаков институтов развития в РФ позволит ввести их деятельность

¹ Для КРДВ показатели эффективности установлены на один год, они не согласованы с параметрами соглашений с резидентами и показателями госпрограммы ДФО.

в правовые рамки, в частности, установить порядок и основания для создания и ликвидации институтов развития. Отсутствие влияния института на развитие территории (отрасли) в течение ряда лет следует зафиксировать как юридическое основание для его реорганизации. Целесообразно оценивать институты развития по различным типам показателей и на нескольких уровнях: использование ресурсов, взаимодействие с контрагентами, непосредственные результаты и конечный эффект (табл. 2).

Таблица 2

Рекомендуемая система оценки институтов развития

Тип показателя	Период	Предмет оценки	Субъект / метод оценки	Пример
Использование ресурсов	Ежегодно	Целевое использование бюджетных средств	Счетная палата / контрольно-аналитическое мероприятие	Создание инфраструктуры по соглашениям
Результаты взаимодействия	Один, несколько раз в год	Удовлетворенность контрагентов	Учредитель / анонимный опрос пользователей инвестиционного портала или инвесторов	Резиденты префрежимов
Непосредственные результаты	Ежегодно	Уровень выполнения плана	Учредитель / отчет института развития о выполнении плана работы	Доля созданных рабочих мест от числа заявленных по соглашениям
Конечный эффект	Раз в 3–5 лет	Комплексные результаты для отрасли, территории	Правительство РФ / данные Росстата; отчеты субъектов РФ	Место регионов ДФО по уровню жизни в РФ

Цели и показатели должны устанавливаться независимо от института развития его учредителем на краткосрочную, средне- и долгосрочную перспективу. Считаем целесообразным разграничить целевые показатели регулятора и института развития. Так, госпрограмма развития ДФО содержит целевые показатели по созданию рабочих мест, что относится, на наш взгляд, к сфере деятельности Минвостокразвития. В свою очередь, в стратегии КРДВ следует отразить целевой показатель по созданию рабочих мест в префрежимах. Подобная декомпозиция позволит избежать дублирования показателей и оценить вклад института в достижение национальных целей.

В настоящее время «слабость формальных институтов и преобладание неформальной политики над формальной» порождает ситуации, когда значение приобретают «личные связи региональных губернаторов с политиками в центре и их административная компетенция вкупе с уровнем сплоченности региональной элиты» [Ross, Turovsky, Sukhova, 2022]. В этой связи важен проведенный нами анализ регионального властного компонента применительно к результатам политики развития ДФО.

Кейс Амурской области показывает, что в период руководства ею влиятельного Олега Кожемяко (2008–2015 гг., находился во втором десятке национального рейтинга губернаторов и рейтинга влияния глав регионов) в регион пришли крупнейшие инвесторы, обеспечившие реализацию проектов, связанных с газопроводом «Сила Сибири» и космодромом «Восточный» [Гулидов, 2021, с. 150]. На эти проекты пришлось основная доля инвестиций и рабочих мест в префрежимах, созданных при его преемниках Александре Козлове (2015–2018 гг., шестой-седьмой десятков в указанных рейтингах) и Василии Орлове (с 2018 г., позиции тоже в шестом-восьмом десятке). Здесь уместно вспомнить вывод предыдущего исследования о влиянии «преимущественно сырьевого характера экономики региона на трансформацию институтов, выражающееся через модификацию институциональных инструментов развития региона и формирование множества льготных режимов в интересах крупных сырьевых компаний» [Antonova, Lomakina, 2020, p. 440].

Переход Кожемяко в Приморский край сопровождается сохранением высоких мест в губернаторских рейтингах и лидирующими позициями региона по развитию преференциальных режимов. Одним из факторов этого могут являться большие лоббистские возможности, позволившие, например, в 2022 г. получить почти трехмиллиардный трансферт из федерального бюджета на благоустройство Владивостока и других городов региона.

Другой кейс – Якутия, во главе которой с 2010 по 2018 г. стоял Егор Борисов, занимавший высокие (второй десяток) места в рейтинге влияния, при нем в республике появились первые префрежимы, и в них началась реализация масштабных инвестиционных проектов. В 2018 г. его сменил Айсен Николаев, имеющий лидирующие позиции в рейтингах (6-е место в национальном рейтинге губернаторов РФ в 2022 г.). Якутия является лидером на

Дальнем Востоке по достижению национальных целей; эксперты отмечают, в частности, ТОР «Квартал труда» как первый в стране кластер креативной индустрии. В свою очередь, наш анализ относит Якутию к числу лидеров по реализации преференциальных режимов.

Заключение

Мы выявили особенности реализации федеральной политики на Дальнем Востоке и провели ее институциональный анализ. Ключевым актором дальневосточной политики является КРДВ – государственный институт развития, подведомственный Минвостокразвития. Институциональная слабость регулятора препятствует глубоким изменениям, провоцирует «гипертрофированное развитие ресурсного сектора» [Минакир, 2022] и дрейф целей проводимой политики.

Оценка вклада преференциальных режимов как ключевого элемента федеральной политики развития регионов ДФО показала, что не менее 70% всех бюджетных вливаний в развитие ДФО приходится на поддержку префрежимов ТОР, СПВ, АЗРФ. Однако умеренное влияние преференциальных режимов на развитие территорий обусловлено неоднозначной эффективностью института развития. Инвестиционные проекты в префрежимах редко содействуют диверсификации экономики.

Анализ связей регионального властного компонента с результатами политики развития ДФО позволил выделить такие каналы привлечения резидентов в префрежимы, как региональные институты развития, главы регионов и местные политико-административные элиты. Первый канал привлекает местный несырьевой бизнес без политической поддержки, преимущественно малый и средний. Изучение данных показало, что малый бизнес реализует более половины инвестиционных проектов в префрежимах, но отсутствие взаимосвязи между долей МСП среди резидентов и общим числом занятых в МСП региона подтверждает вывод о том, что префрежимы не способствуют стимулированию предпринимательства. Региональные чиновники служат лоббистами интересов аффилированного с ними бизнеса, но имеющиеся данные не позволяют судить о доле подобных компаний среди резидентов.

дентов в префрежимах. Глава региона способен привлекать крупных инвесторов, задействуя для этого весь спектр политических коммуникаций. Связь между позицией главы региона в рейтингах и развитием преференциальных режимов указывает на то, что инвестиционные проекты более успешно реализуются в регионах с более высоким уровнем развития и с более влиятельными губернаторами, что подтверждает участие региональных элит в формировании и проведении экстрактивной федеральной политики пространственного развития.

Активизация России на рынках АТР требует увеличения выпуска экспортно-ориентированной продукции в рамках преференциальных режимов. Однако в настоящее время экспорт концентрируется в сырьевых отраслях и направляется, главным образом, в КНР. Обратный поток китайского импорта готовой продукции, на фоне ограничения торговли с другими регионами мира, усиливает «эффект колеи» в российской экономике и сокращает пространство для политических маневров в будущем. В этой связи представляются актуальными такие меры, как отказ в господдержке инвестиционным проектам в сырьевых отраслях и оценка эффективности бюджетных расходов на поддержку префрежимов с точки зрения достижения национальных целей. Ближайшее окно возможностей для таких изменений открывается в ходе актуализации национальных проектов в 2024 г.

G.A. Borshchevskiy*

Federal and regional institutions for the Russian Far East preferential regimes development

Abstract. In this article the author identifies the features of the implementation of regional policy on the example of the Russian Far East. The author highlights the functionality of federal and regional components of the ‘vertical of power’ existing in Russia. The managerial model, approximately corresponding to the theory of growth poles by François Perroux, assumed the creation of preferential regimes for doing business (territories of advanced development, the free port of Vladivostok, the Arctic zone of the Russian Federation) to support technological innovation, stimulate employment, and increase export potential. In practice, there has been a shift in the

* **Borshchevskiy Georgiy**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

vector of preferential territories from innovation-technological to rent-oriented activities. Projects in preferential regimes more often correspond to the existing specialization of the regional economy («rut effect») than form new industries, although there are reverse examples. We also considered the influence of the federal center on the development priorities achievement in the Far East by a special institution called the Corporation for the Far East and Arctic Development (KRDV). Investment projects are more successfully implemented in the Far Eastern regions with a higher growth and with more influential governors, which confirms the participation of regional elites in the extractive federal policy of spatial development formation and implementation.

Keywords: regional policy; spatial development; development institution; Far East; preferential regime; rating.

For citation: Borshchevskiy G.A. Federal and regional institutions for the Russian Far East preferential regimes development. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 127–154. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.05>

References

- Andreev V.A., Arnaut M.N., Sultanova E.V. Spatial development concept of the Far East of Russia. *Smart innovation, systems and technologies*. 2020, Vol. 138, P. 337–347.
- Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region. *Journal of Siberian federal university. Humanities & Social sciences*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 442–52.
- Bliakher L.E., Leontyeva E.O. Finding “Home”: differentiation within migration flow as a factor determining identity formation in the far East of Russia. *Mir Rossii*. 2023, Vol. 32, N 4, P. 71–95 (In Russ.)
- Chichkanov V.P., Belyaevskaya-Plotnik L.A. Evaluation of the multiplicative impact of investment projects of the Far Eastern Federal District on the socio-economic development of territories. *Economy of regions*. 2022, Vol. 18, N 2, P. 369–382. (In Russ.)
- Fortescue S. Territories of accelerated development: another case of policy failure in Russia? *Post-communist economies*. 2022, Vol. 34, N 2, P. 246–266.
- Gubin A.V. Russian Far East in Chinese Belt and road initiative: prospects and problems. *Comparative politics Russia*. 2020, N 4, P. 177–188. (In Russ.)
- Gulidov R.V. On the issue of assessing the state policy for the development of the Russian Far East. *Spatial economics*. 2021, Vol. 17, N 4, P. 143–167. (In Russ.)
- Hayakawa K. Multiple preference regimes and rules of origin. *Review of world economics*. 2023, Vol. 159, N 3, P. 673–696.
- Hirofumi A. New instruments attracting investment into the Russian Far East: preliminary assessment. *Spatial economics*. 2019, Vol. 15, N 1, P. 157–169.
- Isaev A.G. Analyzing distribution effects of the federal budget transfers for the Far East. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020, Vol. 13, N 6, P. 84–100.

- Izotov D.A., Tochkov K.I. Trade relations between the Russian Far East and Northeast Asia: assessment of institutional factors. *Smart innovation, systems and technologies*. 2020, Vol. 172, P. 177–188.
- Jakobsen S.E., Uyarrá E., Njøs R., Fløysand A. Policy action for green restructuring in specialized industrial regions. *European urban and regional studies*. 2022, Vol. 29, N 3, P. 312–331.
- Kireev A.A. Russian policy towards Chinese direct investments in the Far East. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2022, Vol. 66, N 8, P. 43–51. (In Russ.)
- Min J., Kang B. Promoting new growth: ‘Advanced Special Economic Zones’ in the Russian Far East. In: Blakkisrud H., Rowe E.W. (eds). *Russia’s turn to the East: domestic policymaking and regional cooperation*. London: Palgrave Macmillan, 2018, P. 51–74.
- Minakir P.A. The thorny path eastwards: breakthroughs which turn into deadend. *Prostranstvennaya Ekonomika / spatial economics*. 2022, Vol. 18, N 3, P. 7–16. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Public policy as a space for converting intangible resources into factors for the development of territories. *Polis. Political science*. 2022, N 3, P. 144–163. (In Russ.)
- Ross C., Turovsky R., Sukhova M. Subnational state capacity in Russia: the implementation of the 2012 presidential “May Decrees”. *Demokratizatsiya: The journal of post-soviet democratization*. 2022, Vol. 30, N 3, P. 263–282.
- Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does China matter? *Eurasian geography and economics*. 2022, Vol. 63, N 4, P. 1–27.
- Savchenko A.E. Far Eastern policy as a problem of building a developing state. *World of Russia*. 2022, Vol. 31, N 3, P. 54–74. (In Russ.)
- Shmidt Yu.D., Ivashina N.V. Assessment of migration policy measures implemented in the Russian Far East. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2021, Vol. 17, N 3, P. 902–916. (In Russ.)
- Sida E., Kan V.K. Efficiency of regional development policy in the Russian Far East: financial evaluation based on microdata of ASEZ Residents. *Spatial economics*. 2021, Vol. 17, N 1, P. 35–65. (In Russ.)
- Suvorova A.V. Development of growth poles in the Russian Federation: direct and reverse effects. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019, Vol. 12, N 6, P. 110–128. (In Russ.)
- Turovsky R.F., Luizidis E.M. Factors of gubernatorial resignations in Russia. *Polis. Political studies*. 2022, N 4, P. 161–178. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13> (In Russ.)
- Vedmet'skaya L.V. Political and administrative regime and development institutions in the Republic of South Africa. *Political expertise*. 2019, Vol. 15, N 4, P. 521–536. (In Russ.)
- Zhuozhi L. Disparate influences of the Sino-Russian political border on socio-cultural and economic borders. *Russia in global affairs*. 2023, Vol. 21, N 2, P. 106–130.
- Zubarevich N.V. Regions of Russia in the new economic conditions. *Journal of the new economic association*. 2022, N 3, P. 226–234. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О.* Обретение «дома»? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России // Мир России. Социология. Этнология. – 2023. – Т. 32, № 4. – С. 71–95.
- Ведмецкая Л.В.* Политико-административный режим и институты развития в Южно-Африканской республике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 521–536.
- Губин А.В.* Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»: возможности и проблемы // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 177–188.
- Гулдов Р.В.* К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 143–167.
- Зубаревич Н.В.* Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 226–234.
- Киреев А.А.* Российская политика в отношении китайских прямых инвестиций на Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 8. – С. 43–51.
- Минакир П.А.* Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 7–16.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.* Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 144–163.
- Савченко А.Е.* Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства // Мир России. Социология. Этнология. – 2022. – Т. 31, № 3. – С. 54–74.
- Сида Е., Кан В.К.* Эффективность политики регионального развития на Дальнем Востоке России: финансовая оценка на базе микроданных резидентов TOP // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 35–65.
- Суворова А.В.* Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 110–128.
- Туровский Р.Ф., Луизидис Е.М.* Факторы губернаторских отставок в России // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 161–178. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13>
- Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А.* Оценка мультипликативного влияния инвестиционных проектов Дальневосточного федерального округа на социально-экономическое развитие территорий // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 369–382.
- Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В.* Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 902–916.